

*Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:*

*Мама мыла раму
Счастливо оставаться!
Дай на прощанье обещанье
Ох уж эта Люся
Бери и помни
Да. Нет. Не знаю
Три женщины
одного мужчины
Не девушка, а крем-брюле
А другой мне не надо
Нафиг нужен!
Большое сердце
маленькой женщины*

Татьяна
БУЛАТОВА

*Большое сердце
маленькой женщины*

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Б90

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Оформление серии *А. Старикова*

Булатова, Татьяна.

Б90 Большое сердце маленькой женщины /
Татьяна Булатова. — Москва : Эксмо, 2019. —
288 с.

ISBN 978-5-04-108350-2

«Эм и Же держали землю на вожже» — так старшеклассница Танька Егорова зарифмовала всем известную физическую формулу. Танька выросла, и стало ясно, что она как раз из тех людей, которые держат землю, не дают тем, кто стоит на грани, упасть в пропасть отчаяния и безнадежности.

Обладала ли Танька Егорова экстрасенсорным даром? Да, безусловно. И использовала этот дар щедро, не щадя себя и не задумываясь, стоит ли так себя растрачивать. Дело в том, что был у нее и еще один дар — искренне любить людей.

Именно эта любовь и давала ей большую силу. Танька держала землю, а земля держалась на ней — маленькой женщине с большим сердцем и редким даром.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Федорова Т.Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-108350-2

*Здравствуй,
Танька*

*Все события, описанные
в этой книге, вымышлены,
все совпадения случайны*

Что заставляет людей через тридцать лет встречаться с одноклассниками? Ответ прост: любопытство и тщеславие. К тому же тридцать лет — срок достаточный для того, чтобы мусорную пену с жизненных вод уже разметало и стало ясно, кто сколько сто́ит. Практика показывает, что в каждом классе свое соотношение плавающего по воде мусора и драгоценного жемчуга, упорно вызревающего в тесных раковинах жизненных обстоятельств.

Встречи выпускников, как правило, проходят по одному и тому же сценарию, и пишут его активисты-хроники, ради традиции готовые на все. Они, подобно вездеходам, методично продираются сквозь мощное сопротивление заезженных бытом одноклассников, досаждая им глупыми вопросами о том, какой день лучше, кого из учителей пригласить, с кем «из наших» есть возможность связаться и, наконец, «что пить будете»?! Труд активистов невероятно тяжел, но, к сожалению, незаметен. Впрочем, они на благодарность и не рассчитывают — или почти не рассчитывают, — потому что каждый раз сталкиваются с одним и

Татьяна Булатова

тем же вопросом: «Ну на фига ты это сделал(а)?» «Что *это?*» — смысл обвинения активистам всегда непонятен. «А вот что!» — отвечают одноклассники и, не умея выразить словами то, что их мучает, в сердцах машут рукой, чтобы уйти на очередные пять-десять лет в тотальную внутреннюю эмиграцию.

А ведь по большому счету этим активистам нужно сказать спасибо за то, что с их легкой руки в сознании человека начинался процесс активного развенчания накопленных в течение жизни заблуждений. Вот, например, одно из них: *«стареют все»*. «Все... Но только не я», — думаешь ты и с сочувствием смотришь на них, состарившихся: и на привезенного в инвалидном кресле классного руководителя, и на ссохшуюся в девичестве географичку Галю, и на двоичника Иванова-Петрова-Сидорова, отрытого активистом в привокзальной рюмочной, и на Светку-Ленку-Томку, кутающихся в норковые манто вместо того, чтобы смело показать себя во всем великолепии... Смотришь ты, смотришь, а потом вдруг начинаешь нервничать, потому что ловишь на себе не менее жалостливый взгляд соседа(ки) по парте, сознательно накачивающегося(ейся) дешевым коньяком для того, чтобы подойти и смело сказать тебе в лицо: «Встретил(а) бы, не узнал(а)...» И вывод напрашивается сам собой, горький и неутешительный: ты тоже стареешь так же, как и *все!* Именно с этого момента и запускается механизм обрушения ил-

люзий, в результате которого оказывается... И понеслось! Оказывается, что троечники — прежде балласт класса — сегодня перспективные представители политической и экономической элиты города, а то и страны. А золотая медаль — вовсе не гарантия успеха, равно как и красный диплом, обладатели которого — среднестатистические бюджетники, считающие каждую копейку до зарплаты. И возраст, к сожалению, — это не повод, чтобы смерть была к тебе снисходительна. Ей, в сущности, все равно, кто перед ней — старик или юноша, отличник или двоечник. Она просто заглядывает в своей ежедневник, находит нужную фамилию и ставит жирный крестик, свидетельствующий о выполнении Божьего замысла. Только и всего! Поэтому нечего удивляться, что на очередной общей фотографии лиц становится все меньше, а похороны невольно превращаются в спонтанную встречу одноклассников, традиционно заканчивающуюся словами, что время безжалостно, а значит, давайте видеться чаще и, разумеется, по другому поводу.

«Давайте!» — клянутся оставшиеся в живых и бегут прочь — на работу, в семью, к друзьям, чтобы напомнить о своем существовании и убедиться — *я есть!* Но тем не менее каждый год нет-нет да посещает каждого наивная мысль о том, сколько лет прошло со дня окончания школы, и в преддверии круглых дат словно из-под земли вырастает фигура того самого активиста, который невольно

Татьяна Булатова

оказывается причастен не только к очередному развенчанию иллюзий, но и к появлению гаденького чувства собственной значимости в обмен на откровения тех, кому ты всегда тайно завидовал. «Поделом!» — думаешь ты и даешь внутренний обет никогда, ни при каких обстоятельствах, ни ногой... Даешь и понимаешь, что не выполнишь внутренней клятвы и даже знаешь почему. Из любопытства, черт бы его подрал!

Отчасти из любопытства, а отчасти из-за желания угоститься, не заплатив ни копейки, Илья Русецкий, по кличке Рузвельт, когда-то знаменитый легкоатлет и победитель Всероссийских олимпиад чуть ли не по всем предметам, пришел на встречу выпускников спустя тридцать два года с момента окончания школы, ничуть не заботясь о том, что не имеет за душой никаких реальных достижений, свидетельствующих о жизненном успехе. Гордыни в нем не было, а если таковая когда-то и присутствовала в его многогранной личности, то количество выпитого за все предыдущие годы все равно привело бы к девальвации стойких жизненных стереотипов.

«В конце концов, какая разница, где проводить время?!» — рассуждал Рузвельт и был абсолютно прав, потому что знал, о чем говорил. Это раньше он имел возможность выбирать между читальным залом городской библиотеки и общей кухней в квартире с подселением, где Илья оказался в результате сложного и многофазного родственного

обмена, а сейчас — увы! — выбрать стало не из чего: сырой заплесневелый подвал, облюбованный местными бомжами, сменился предбанником маленького хлебного магазина, где Рузвельт с достоинством пророка поджидал одиноких старух с предложением донести до дома тяжелую ношу. Время от времени, реагируя на жалобы забредших со стороны покупателей, к Илье выбегала чернявая заведующая и, морща усики над верхней губой, грозилась сдать попрошайку властям. В ответ Рузвельт кланялся знойной женщине в пояс и басом семинариста произносил: «Да святится имя твое!» Магия этой фразы обрушивала на заведующую истинную благодать, и сердце ее начинало трепетать от христианской любви к юродивым.

Блаженного Рузвельта окружающие любили. Алкоголиком он был мирным, позиционировал себя как аристократа духа, много цитировал и вполне мог заткнуть за пояс какого-нибудь профессора из местного университета, снисходительно посматривавшего на интеллигентного вида пьяницу с «Божественной комедией» Данте в руках. Любовь к чтению расцветивала жизнь Ильи яркими красками, он даже всерьез подумывал, не уйти ли ему в монастырь, чтобы читать там, запершись в келье, но вовремя оставил эту затею, потому что догадался: читать в монастыре ему придется совершенно иную литературу. «Потом!» — пообещал себе Рузвельт и обернулся лицом к миру, изо-

Татьяна Булатова

билующему интересными мгновениями, ради которых, безусловно, стоило жить. Правда, изредка вставал вопрос: «На что?» Но и здесь Илью не покидала уверенность, что все сложится как нельзя лучше — от работы он не отказывался, к людям был добр, и они платили ему сторицей: отдавали поношенную, но вполне хорошо сохранившуюся одежду, угощали по-соседски пирогами, наливали по большим праздникам, делились пивом и так далее. В общем, Рузвельт на жизнь не жаловался, скорее, наоборот, считал ее вполне удавшейся хотя бы потому, что был принят в любой компании: шпана звала его «профессором», а глава района, помнивший его еще по школе, уважительно — «диссидентом». Но Русецкий не был ни тем, ни другим. Он был просто философом, отказавшимся верить в какое-либо целеполагание и ссылавшимся то на Гесиода, то на Гераклита, то на Шопенгауэра и Ницше, но при этом не разделявшим до конца взгляды никого из них.

«Философский пессимизм есть обратная сторона философского оптимизма», — декларировал Илья и наивно полагал, что сформулировал главный закон гармонии, гласящий, что у жизни две стороны, а значит, вся она есть системная смена знаков, наложение которых друг на друга дает изящный нуль. Посему все чаяния и усилия человеческие сами по себе интересны в некой условной временной точке — здесь и сейчас, а на перспективу — абсолютно бессмысленны. Отсюда

закономерный вопрос: *зачем?* Видимо, в определенный период своей жизни Рузвельт не сумел найти на него исчерпывающего ответа и объявил вне закона все, что прежде считал заслуживающим внимания. В итоге под запрет попали не только многочисленные призы, награды, грамоты, свидетельствующие о сверхдостижениях городского вундеркинда, но также и высшее образование, карьера, семья.

Кстати, о высшем образовании. Получить его Русецкий пытался неоднократно. Правда, не в области точных наук, как ему прочили по окончании школы, а в сфере тонкого гуманитарного знания, и не в столице, а в местном педагогическом институте. Там, на историко-филологическом факультете, Илья снискал себе славу самого одаренного студента, но... к сожалению, не от мира сего, если не сказать больше. Никаким другим обстоятельством объяснить неспособность Русецкого сдать целиком хотя бы одну сессию преподаватели были не в состоянии. Поначалу они из гуманных соображений давали Илье возможность проявить себя на разных отделениях: хочешь — история, хочешь — филология, хочешь — очное, хочешь — заочное, а потом призадумались и решили Русецкого в студенческих правах не восстанавливать и просто забыть, что был такой, с лицом семинариста, долговязый и неопрятный, при общении с которым почему-то возникало неприятное ощущение.

Татьяна Булатова

ние, что именно он, он, а не ты должен находиться за кафедрой и двигать вперед науку.

Принявший преподавательский заговор за под-сказку судьбы, Илья вновь озаботился вопросом: «Зачем все это?» и с энтузиазмом продолжил развивать свою теорию «изящного нуля».

Новых взглядов Русецкого окружение не приняло. Очень быстро ушла из жизни мать, неожиданно утратившая смысл своего существования, прежде связанный исключительно с открывающимися перед Ильей перспективами. Она даже не болела по-настоящему, просто легла, что-то там такое в уме сложила, получила ноль и отказалась разговаривать. Да сын и не настаивал, он как никто другой понимал: молчание — золото. Соседи решили: сошла с ума. Но Илья так не думал и просто выполнял задачи категории «здесь и сейчас»: мыл, убирал, готовил, включал-выключал радиоприемник, читал матери вслух и не задавал лишних вопросов. Потом вмешались какие-то дальние родственники, стали предлагать помощь, уговаривали лечь в больницу, но мать словно не понимала, чего от нее хотят. Жалко было терять время на чужих людей. Чтобы ушли, Илья подписал какие-то бумаги. Даже не спросил какие. Просто поверил, что так нужно, и все.

Утром матери не стало — слова утратили смысл окончательно. Илья не видел ее агонии, ушла она тихо, не исключено, что во сне. «Как на цыпочках», — улыбнувшись, подумал Рузвельт и попро-

бывал пройтись по комнате на носочках. В тишине скрипнули доски, звук получился смешной и какой-то детский. Так, на цыпочках, Илья проходил все три дня до погребения, и никто этого не заметил. Просто некоторым показалось, что из-за худобы Рузвельт стал казаться выше ростом.

Какое-то время после ухода матери Илья производил впечатление человека, переживавшего экзистенциальный кризис. Но на самом деле он просто привыкал к новым условиям жизни в «комнате без одной стены». «Раструб моих возможностей стал гораздо шире, — пока еще пытался объяснять он преимущества своего положения. — Я вижу гораздо больше, чем вы все, вместе взятые, потому что ни к чему не привязан». Илья был уверен, что все, им сказанное, абсолютно прозрачно. Но никто не понимал истинного смысла того, что произносил Рузвельт. Одноклассники посматривали на него с опаской и недоверием, многозначительно переглядывались, вспоминали классическое «горе от ума» и постепенно рассеивались в пространстве: никто не хотел жить «в комнате без одной стены», каждому хотелось чувствовать себя защищенным и социально значимым. К слову, Илья даже не заметил, как поменялось его окружение. Он словно не распознавал лица: всякий, встретившийся ему на пути, казался хорошим человеком, достойным доброго отношения и доверительного разговора. И не важно, где этот разговор состоится, в холоде медвытрезвителя или возле пивного ларька. Илья